

РАЗВОД.

*Женщина, которую
ТЫ ПОТЕРЯЛ*

ВИОЛЕТТА ВЕСНА

DIVORCE DECREE

Виолетта Весна

Развод. Женщина, которую ты потерял

<https://litres.ru/74010044>

SelfPub; 2026

Аннотация

Дом остается ему. Бизнес — ему. Решение — тоже, как будто ее согласие давно не требовалось. А рядом уже стоит другая женщина, знающая о разводе больше, чем законная жена.

Но Виолетта впервые не ставит подпись там, где ей указали. Она уходит не красиво, не спокойно и не без боли. Уходит с разбитым сердцем, с чужой фамилией за спиной и с почти забытым собственным именем, которое ей еще предстоит вернуть.

Теперь ей нужно заново научиться жить: говорить «нет», закрывать дверь, выбирать себя, не оправдываться за слезы и не путать позднее сожаление мужчины с любовью. А Богдану придется понять, что страшнее всего потерять не жену в документах, а женщину, которая однажды перестала быть твоей.

«Развод. Женщина, которую ты потерял» — эмоциональный роман о женской боли, разводе, предательстве, позднем раскаянии и силе начать свою жизнь заново.

Содержание

ПРОЛОГ. День, когда он назвал ее прошлым	4
ГЛАВА 1. Хорошая жена молчит	15
ГЛАВА 2. Папка в нижнем ящике	34
ГЛАВА 3. Ты все равно подпишешь	55
ГЛАВА 4. Женщина без дома	73
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Виолетта Весна Развод. Женщина, которую ты потерял

ПРОЛОГ. День, когда он назвал ее прошлым

У здания суда пахло мокрым камнем, бензином и чужой свободой.

Люди проходили мимо с бумажными стаканчиками кофе, прижимали к ушам телефоны, спорили с таксистами, придерживали распахнутые пальто. У кого-то сегодня был обычный четверг. У кого-то — встреча, покупка, опоздание, обеденный перерыв.

У меня — десять лет брака в тонкой папке с гербом на первой странице.

Я держала ее обеими руками, хотя папка была почти невестомой. Несколько листов, две подписи, печать, сухая формулировка о прекращении брака между Орловым Богданом Сергеевичем и Орловой Виолеттой Андреевной. Бумага не знала, как пахнут ночи, когда ты плачешь в ванной с включенной водой. Бумага не помнила, сколько раз ты улыба-

лась гостям, пока муж под столом сжимал пальцами твое запястье: молчи. Бумага не считала годовщины, на которые тебе дарили не цветы, а снисходительное «не начинай».

Бумаге было все равно.

Может, поэтому развод оказался таким быстрым.

— Виолетта.

Я не сразу повернулась.

Голос Богдана за спиной прозвучал ровно, почти устало. Так он разговаривал с подрядчиками, которые подвели сроки, и с официантами, перепутавшими вино. Без крика. Без лишнего движения. С тем спокойствием человека, который уверен: мир все равно встанет так, как ему удобно.

Когда-то я любила этот голос.

Мне казалось, в нем есть сила. Надежность. Мужская уверенность, возле которой можно перестать держать спину так напряженно. Потом я научилась различать в нем другое: не уверенность, а привычку решать за двоих; не силу, а холод; не заботу, а контроль, отполированный до приличного блеска.

Я обернулась.

Богдан стоял на верхней ступеньке, в темном пальто, с телефоном в руке. Красивый. Собранный. Почти безупречный. Ветер не смел портить его прическу так сильно, как портил мою. У него даже после суда был вид мужчины, который не проиграл, а завершил сделку.

Наверное, так и было.

Для него.

— Машина сейчас подъедет, — сказал он. — Я могу отвезти тебя.

Тебя.

Не домой.

Я посмотрела на его руку. На тонкие длинные пальцы, на гладкий циферблат дорогих часов. Этими пальцами он когда-то держал мои ладони в ЗАГСе. Этими же пальцами подписал соглашение, по которому хотел оставить мне ровно столько, сколько считал достаточным для женщины, от которой устал.

— Не нужно.

Он чуть заметно нахмурился. Не от боли. От неудобства. Мой отказ нарушал порядок сцены, которую он, наверное, уже продумал: суд, сухое прощание, машина, точка. Красиво. Достойно. Без женских слез на ступенях.

Богдан всегда терпеть не мог чужую некрасивую боль.

Особенно мою.

— Виолетта, — повторил он мягче, и от этой мягкости у меня раньше всегда что-то сдавалось внутри. — Не надо делать из этого больше, чем есть.

Я усмехнулась. Тихо, почти беззвучно.

Больше, чем есть.

Десять лет завтраков, ужинов, гостей, ремонтов, переездов, его первых крупных контрактов, моих отложенных мечтаний, его усталости, моей тишины. Десять лет, в которых я

запоминала, какой кофе он пьет перед важной встречей, какие рубашки не терпит, с кем нельзя сажать рядом его мать за столом, какой тон выбрать, если он возвращается злым. Десять лет, за которые я стала женщиной, удобной настолько, что меня перестали замечать.

А теперь это называлось — не делать больше, чем есть.

— А что есть, Богдан?

Он посмотрел на меня внимательно. Наверное, пытался понять, начнется ли сцена. Слезы, упреки, дрожащий голос, просьба объяснить. Все то, к чему он был готов и чего, может быть, даже ждал, чтобы окончательно убедиться: я не умею уходить достойно.

Но я устала быть предсказуемой.

— Есть развод, — сказал он. — Есть решение, которое давно назрело. Есть два взрослых человека, которым пора перестать держаться за то, что закончилось.

То, что закончилось.

Он говорил о нашем браке так, будто это был ремонт в старой квартире. Неудобный, затянувшийся, требующий сметы и окончательного акта.

Я посмотрела на город за его плечом. На серые фасады, темные стекла машин, голые ветки в квадрате неба. Когда-то после свадьбы я боялась отпускать его руку даже на переходе. Смешно. Я была уверена, что если держаться крепко, нас ничего не разорвет.

Я не знала, что иногда тебя разрывает не сила. Тебя раз-

рывает равнодушие. День за днем. Фраза за фразой. Молчание за молчанием.

— Ты подготовил развод за моей спиной, — сказала я. — Подготовил бумаги. Оценил дом. Посчитал, сколько мне хватит. Решил, где я буду жить. С кем останется машина. Что скажет твоя мать. Что скажут партнеры. Ты все продумал.

— Я хотел избежать грязи.

— Нет. Ты хотел избежать меня.

Его лицо едва изменилось, но я заметила. Раньше я замечала в нем все: складку между бровями, когда он недоволен; короткое движение плечом, когда разговор ему надоел; паузу перед фразой, которая должна была поставить меня на место.

Эта пауза пришла и сейчас.

— Мы оба виноваты, — сказал Богдан.

Вот она. Самая удобная фраза для того, кто устал быть виноватым один.

Мы оба.

Мы оба не замечали. Мы оба молчали. Мы оба отделились. Мы оба не спасли. Только почему-то документы в нижнем ящике его кабинета лежали не у нас обоих. И сообщение Ренаты Воронцовой «Ты уже сказал ей про развод?» пришло не на мой телефон.

Я прижала папку к груди.

— Нет, Богдан. Не оба.

Он выдохнул, будто я все-таки начала утомлять его.

— Ты сейчас говоришь на эмоциях.

Раньше эта фраза останавливала меня лучше любого окрика.

Ты на эмоциях.

Значит, молчи. Значит, не доверяй себе. Значит, твоя боль — не правда, а временная женская слабость, которую нужно переждать, как плохую погоду.

Я вдруг поняла, как часто он так делал. Не спорил со мной. Не слушал. Просто ставил на мои слова штамп: эмоции. И все, что я чувствовала, становилось недействительным.

— Возможно, — сказала я. — Но сегодня я хотя бы говорю.

Богдан посмотрел на меня долго. В его взгляде мелькнуло что-то новое. Не раскаяние. Не любовь. Скорее раздраженное удивление человека, который нажал привычную кнопку, а механизм не сработал.

Снизу подъехала черная машина. Водитель вышел, открыл заднюю дверь и замер, не приближаясь. Богдан коротко взглянул на него, потом снова на меня.

— Я правда не хочу заканчивать это враждой.

— Тогда не надо было начинать с предательства.

Он поморщился.

Не сильно. Почти незаметно. Но я увидела.

Слово было некрасивым. А Богдан любил красивые формулировки. «Сложившиеся обстоятельства». «Взрослое ре-

шение». «Брак себя исчерпал». «Нам обоим нужно идти дальше».

Предательство звучало слишком прямо.

Слишком дешево для его дорогого пальто.

— Рената здесь ни при чем, — сказал он.

Я даже не рассмеялась. Только посмотрела на него, и впервые за долгое время мне не захотелось ни проверить, ровно ли лежит шарф, ни смягчить лицо, ни сделать разговор удобнее.

— Правда?

— Правда. Между нами все закончилось раньше.

— Между нами все закончилось тогда, когда ты решил, что мне можно ничего не объяснять.

Он опустил глаза на папку в моих руках.

— Ты получила справедливые условия.

Я кивнула.

Вот теперь мы наконец дошли до главного. Не до любви. Не до семьи. До условий.

— Справедливые для кого?

— Виолетта.

В его голосе появилась сталь. Раньше мне хватило бы этого оттенка, чтобы отступить. Я бы сказала: хорошо, не сейчас. Я бы извинилась за резкость. Я бы потом долго лежала без сна и придумывала правильные слова, которые можно сказать мужчине, не разозлив его еще больше.

Но женщина, которая так делала, осталась где-то за спи-

ной.

В доме с белой кухней.

В спальне, где я научилась плакать тихо.

В гостиной, где Аделина Орлова однажды сказала мне: «Мудрая жена не спорит с мужем при людях», а я почему-то приняла это за совет, а не за приговор.

— Что? — спросила я. — Скажи до конца.

Богдан молчал.

Ветер тронул край папки, листы внутри чуть шевельнулись. На секунду мне показалось, что они сейчас вырвутся и разлетятся по ступеням: соглашение, решение, подписи, печати. Чужие слова о моей жизни.

Но я удержала папку крепче.

— Ты всегда была разумной, — наконец сказал он. — Не порти это сейчас.

Разумной.

Так он называл мое молчание.

Хорошей — когда я уступала.

Мудрой — когда прощала.

Спокойной — когда глотала обиду.

Женой — когда забывала быть женщиной.

— Я не порчу, — сказала я. — Я заканчиваю.

Он провел ладонью по лицу. Впервые за все утро в нем мелькнула усталость, не похожая на деловую. Живая. Почти человеческая.

Но слишком поздно.

— Не драматизируй, Виолетта, — сказал Богдан тише. — Мы оба знали, что однажды ты станешь моим прошлым.

Вот и все.

Фраза упала между нами спокойно. Без крика. Без оскорбления. Даже без злобы.

Именно поэтому она вошла глубоко.

Я стояла на ступенях суда, слушала шум города, чувствовала холод папки под пальцами и вдруг отчетливо поняла: он правда так думал. Не хотел ранить. Не пытался ударить. Он просто сказал правду своего мира.

В этом мире я была этапом.

Красивой женой у правильного стола. Женщиной, которая помогала принимать гостей. Той, кто помнила дни рождения его партнеров, выбирала шторы в переговорную, слушала его планы, когда он только начинал «Орлов Проект», и верила в него так сильно, что почти перестала верить в себя.

А теперь я стала прошлым.

Удобным словом для того, что больше не нужно.

Я посмотрела на Богдана и почувствовала странную тишину. Не пустоту. Нет. Пустота была раньше — в доме, где я ходила на цыпочках по собственной жизни. Сейчас внутри что-то остановилось, а потом медленно, болезненно, но все же сдвинулось с места.

Не он меня отпустил.

Я перестала держаться.

— Нет, Богдан, — сказала я.

Он поднял глаза.

— Что — нет?

Я спустилась на одну ступеньку ниже. Потом еще на одну. Теперь он стоял выше, как привык. Но почему-то впервые это ничего не значило.

— Я не стала твоим прошлым сегодня. Я стала им гораздо раньше. Просто сегодня ты получил бумагу, которая помогла тебе это заметить.

Его лицо застыло.

Я могла бы добавить что-то еще. Больное. Меткое. Такое, что он запомнил бы. Но вдруг поняла: мне больше не нужно добиваться, чтобы Богдан наконец почувствовал то, что чувствовала я.

Моя боль не станет настоящей только после того, как он ее признает.

Она уже была настоящей.

И я тоже.

Я развернулась и пошла вниз по ступеням.

— Виолетта, — позвал он.

Не резко. Не властно. Почти растерянно.

Я остановилась, но не обернулась.

Ветер ударил в лицо. На дороге кто-то засмеялся. Где-то рядом хлопнула дверца машины. Мир не остановился, хотя мой брак только что окончательно умер.

— Ты куда? — спросил Богдан.

Странный вопрос.

Десять лет он знал, где я. На кухне. В гостиной. У зеркала перед выходом. Рядом за столом. В машине. В спальне. Позади него на полшага, если вокруг были люди важнее меня.

А теперь не знал.

Я впервые улыбнулась.

Не ему.

Себе.

— Дальше, — сказала я.

И пошла.

Богдан Орлов остался на ступенях суда с водителем, машиной, дорогим пальто и правом считать, что он завершил этот брак достойно.

Он еще не понимал, что потерял не жену.

Жену можно вычеркнуть из документов.

Женщину, которую ты потерял, приходится помнить всю жизнь.

ГЛАВА 1. Хорошая жена молчит

За три недели до развода я выбирала между двумя платьями и пыталась угадать, в каком из них Богдану будет не стыдно посадить меня рядом с его партнерами.

На кровати лежало темно-синее, закрытое, с длинным рукавом и тонким поясом. Безопасное. В нем я выглядела женой мужчины, который привык к хорошим ресторанам, дорогим часам и людям, говорящим вполголоса. Рядом лежало сливовое — мягкое, с открытой шеей и красивой линией плеч. Я купила его полгода назад, принесла домой, приложила к себе перед зеркалом и впервые за долгое время подумала, что еще могу быть не просто правильной, а красивой.

Богдан тогда посмотрел мельком и сказал:

— Слишком заметное.

Я не спросила, для кого.

Платье осталось в шкафу, задвинутое в глубину, между зимним пальто и тем серым костюмом, в котором я обычно ездила с ним на деловые завтраки. Сегодня я достала его снова. Не знаю зачем. Может быть, потому что весь день занималась домом, меню, рассадкой, цветами, салфетками, и мне захотелось хотя бы в зеркале увидеть женщину, а не хорошо обученную хозяйку.

Из кухни тянуло лимоном, розмарином и теплым хлебом. В гостиной флористы уже поставили низкие композиции из

белых ранункулюсов и темной зелени — не слишком пышные, чтобы не мешать разговорам через стол. На барной тележке стояли бокалы, вытертые до прозрачного блеска. Я проверила их трижды, хотя знала: никто не заметит, если бокал будет чистым. Заметят, если на нем окажется след.

В браке с Богданом я давно поняла: хорошее считается нормой, ошибка становится характером.

Телефон на туалетном столике завибрировал.

Сообщение от Серафимы: «Ты жива? Или тебя уже погребли под белыми цветами и мужским самомнением?»

Я улыбнулась, хотя улыбка вышла усталой.

«Жива. Гости через час».

Ответ пришел почти сразу: «Надень то платье, в котором ты сама себе нравишься. Не то, которое одобрит его внутренний похоронный комитет».

Я посмотрела на сливовое платье.

Потом на темно-синее.

В доме было тихо. Тихо так, как бывает только в дорогих интерьерах, где все поверхности хорошо поглощают звук: ковры, тяжелые шторы, обивка стульев, плотная деревянная дверь в кабинет Богдана. Этот дом умел хранить молчание лучше меня.

Я взяла сливовое платье.

Когда молния сошлась на спине, я задержала дыхание. Ткань легла мягко, почти нежно. Открытая шея показалась непривычной. Я провела пальцами по ключицам, увидела в

зеркале свои глаза, немного темные от недосыпа, и вдруг вспомнила, как раньше Богдан смотрел на меня перед выходом.

Не проверял.

Смотрел.

Будто я была не частью его вида, а причиной задержаться.

Это было давно. Так давно, что иногда мне казалось, я придумала ту женщину. Молодую, смеющуюся, в светлом пальто, которая бежала под дождем к машине Богдана и не боялась намочить волосы. Он тогда открыл дверь, поймал меня за талию и сказал, что женится на мне, если я не перестану так красиво опаздывать.

Я не перестала.

Потом он перестал замечать.

Внизу щелкнул замок. Я услышала, как открылась входная дверь, как Богдан поставил портфель на консоль в прихожей. По звуку я уже умела понимать его настроение. Если ключи ложились на мрамор резко — день был плохой. Если портфель ставился мягко — Богдан был доволен. Сегодня портфель стукнул глухо, коротко.

Не лучший знак.

— Виолетта? — позвал он.

— Я наверху.

Я еще раз посмотрела в зеркало. Хотела снять платье, пока не поздно. Смешно: женщина тридцати трех лет, хозяйка дома, жена успешного мужчины, боится собственного пла-

тья.

Но я осталась в нем.

Богдан появился в дверях спальни через минуту. Высокий, в темном костюме, с расстегнутым воротом рубашки. На виске чуть влажная прядь — он, наверное, прошел от машины без зонта. Красивый. Чужим женщинам такие мужчины кажутся подарком судьбы: собранный, уверенный, без лишних слов. Не мужчина, а подтверждение, что ты выбрала правильно.

Я когда-то тоже так думала.

Он остановился на пороге и посмотрел на меня.

В первый миг мне показалось, что в его лице мелькнуло прежнее. Что-то живое, быстрое, почти забытое. Я даже успела обрадоваться — глупо, мгновенно, как девочка, которой вернули украденную заколку.

Потом его взгляд стал внимательнее.

Оценивающим.

— Это новое?

— Нет. Я покупала его еще весной.

— Я не помню.

Конечно, не помнил.

Он много чего не помнил. Мои покупки, мои головные боли, мои просьбы съездить к маме на кладбище в годовщину ее смерти. Зато помнил, кто из партнеров пьет без льда, у кого жена не переносит кинзу, какой подрядчик однажды сорвал сроки на объекте в Сестрорецке и больше никогда не

получил от «Орлов Проект» ни одного договора.

Память Богдана была безупречной, когда речь шла о важном.

Просто я перестала туда входить.

— Я решила сегодня надеть его, — сказала я.

Он подошел ближе, поправил запонку. Не мою бретель. Не выбившуюся прядь. Свое серебро на своем рукаве.

— Виолетта, у нас сегодня не день рождения подружки. Это деловой ужин.

Я посмотрела на свое отражение за его плечом.

— Оно не вызывающее.

— Я не сказал, что вызывающее.

— Но подумал.

Богдан поднял глаза. Медленно. Так, будто я позволила себе тон, который не входил в программу вечера.

— Я подумал, что сегодня лучше темно-синее. Оно спокойнее.

Спокойнее.

Слово было маленьким, почти безобидным. Но именно такими словами в моей жизни закрывали окна.

Спокойнее платье.

Тише голос.

Меньше вопросов.

Не сейчас.

Не при людях.

Не выдумывай.

Я провела ладонью по ткани на бедре.

— Мне нравится это.

Богдан помолчал.

— Хорошо, — сказал он наконец. — Только волосы уберри. Так будет строже.

Победа получилась такой маленькой, что от нее стало стыдно.

Я подняла волосы в низкий пучок. Он кивнул, уже не глядя на меня, достал телефон и быстро пробежал пальцем по экрану.

— Градовы будут к семи. Лазарев не подтвердил, но, возможно, приедет позже.

— Марк Лазарев? — спросила я, закрепляя шпильку.

— Ты его знаешь?

— Нет. Просто слышала фамилию. Кажется, он связан с реставрационным проектом на Малой Садовой.

Богдан коротко усмехнулся.

— Связан — громко сказано. Он пытается мешать нормальной работе. Романтик с мастерской и слишком большим мнением о старых стенах.

Я повернулась к нему.

— Старые стены иногда стоят того, чтобы их сохранить.

— Если они не мешают строить новое.

Он сказал это легко. Даже не споря. Для Богдана все было просто: если что-то мешает движению вперед, это нужно убрать. Дом. Дерево. Человека. Чувство.

Я тогда еще не знала, что скоро окажусь в этом списке.

— Проверь, пожалуйста, кухню, — сказал он. — И проследи, чтобы Селиванов не сидел рядом с Градовой. Они после прошлого тендера друг друга терпеть не могут.

— Я помню.

— И не заводи разговор про тот старый особняк, если Лазарев все-таки появится. Нам не нужен спор за столом.

— Я не собиралась.

— Хорошо.

Он подошел к двери, потом остановился.

— И, Виолетта.

Я уже знала, что сейчас будет что-то маленькое, гладкое, почти заботливое. То, после чего я должна буду почувствовать себя не обиженной, а благодарной за его внимательность.

— Помада слишком яркая.

Я посмотрела в зеркало. Помада была не красной даже. Приглушенная ягодная, дорогая, мягкая. Такая, которую консультант в магазине назвала «цветом уверенности». Я тогда засмеялась и купила ее, хотя почти не пользовалась.

— Хорошо, — сказала я.

И стерла ее салфеткой.

Когда Богдан вышел, я еще несколько секунд стояла перед зеркалом. В сливовом платье, с убранными волосами и бледными губами.

Получилось ровно то, что нужно.

Заметная женщина, которую быстро сделали спокойнее.
К семи дом наполнился голосами.

Я встречала гостей у входа, улыбалась, называла по именам, принимала пальто, направляла в гостиную. Богдан стоял рядом первые десять минут, потом его увел к окну Селиванов, и я осталась делать то, что умела лучше всего: держать вечер так, чтобы всем казалось, будто он держится сам.

— Виолетта, у вас невероятные цветы, — сказала Лидия Градова, худая женщина с короткой стрижкой и жемчужными серьгами. — Не люблю высокие букеты, за ними людей не видно.

— Поэтому и выбрала низкие, — ответила я. — Богдану важно, чтобы за столом все могли говорить свободно.

Богдану важно.

Я даже комплименты дому переводила на него автоматически.

— У вас хороший глаз, — заметил мужчина рядом с ней. Кажется, новый финансовый консультант Градовых. Имя я запомнила, но сейчас оно выскользнуло, как мокрая бусина. — Не только в цветах. Весь дом очень цельный.

— Спасибо.

— Вы профессионально этим занимались?

Вопрос был простой. Добрый даже. Я могла бы ответить так же просто: училась, мечтала, бросила, потому что вышла замуж и решила, что у нас с Богданом общая жизнь, а значит, его начало важнее моего. Но за спиной мужа я много лет

рассказывала свою биографию короче.

— Немного, — сказала я. — Скорее для себя.

— Зря. Такое чувство пространства редко бывает любительским.

Я улыбнулась. И впервые за вечер улыбка была настоящей.

— Спасибо. Это очень приятно слышать.

Именно в этот момент Богдан посмотрел на меня через гостиную.

Не сердито.

Внимательно.

Я знала этот взгляд. Он означал: достаточно.

Разговор за ужином шел легко, если не прислушиваться к тому, сколько усилий стояло за этой легкостью. Я вовремя меняла темы, когда Селиванов начинал злиться на Градову. Подавала знак помощнице, чтобы вино наливали сначала тем, кому это было важно. Смягчала острые углы, подхватывала шутки, помнила, кто недавно вернулся из Сочи, у кого дочь поступила в архитектурный, кто ненавидит разговоры о политике за столом.

Богдан говорил мало, но точно. Он умел занимать пространство без суеты. Люди слушали его охотно. Я когда-то гордилась этим так, будто его успех был нашим общим голосом.

— Виолетта, — вдруг сказал Селиванов, наклоняясь ко мне через угол стола. — А вы что думаете о сохранении ста-

рых зданий? Ваш муж считает, что город должен развиваться, даже если кому-то жалко облупленную лепнину. А у вас лицо такое, будто вы сейчас выступите в защиту каждой трещины.

За столом тихо засмеялись.

Я почувствовала взгляд Богдана раньше, чем повернулась.

Не заводи разговор.

— Я думаю, — сказала я осторожно, — что город развивается не только тогда, когда строит новое. Иногда он взрослеет, когда учится не уничтожать память.

Наступила короткая пауза.

Не опасная. Скорее заинтересованная.

— Красиво сказано, — заметила Лидия Градова.

— И дорого, — усмехнулся Селиванов. — Память обычно стоит дороже бетона.

— Зато бетон редко умеет быть красивым без памяти, — ответила я.

Снова смех. На этот раз теплее.

Я не сказала ничего дерзкого. Ничего против Богдана. Просто одну мысль. Свою. Без разрешения.

Богдан положил ладонь мне на спину.

Со стороны этот жест мог показаться нежным. Муж обнял жену, поддержал в разговоре. Ладонь была теплая, тяжелая, ровная. Но пальцы под лопаткой чуть надавили.

Молчи.

Я сбилась на вдохе.

— Виолетта у нас всегда умела романтизировать старые вещи, — сказал он с легкой улыбкой. — Поэтому я доверяю ей дом, но не бизнес-план.

За столом опять засмеялись.

Не зло. Даже добродушно.

Но у меня внутри что-то тихо осело.

Я улыбнулась вместе со всеми.

Так делают хорошие жены.

После десерта мужчины ушли к окну обсуждать цифры, женщины задержались в гостиной. Лидия Градова рассказывала о дочери, которая хотела бросить учебу и открыть керамическую мастерскую. Аделина Орлова, приехавшая без приглашения и потому особенно уверенная в своем праве присутствовать, слушала с тонкой улыбкой.

— Детям сейчас слишком рано внушают, что любое желание достойно уважения, — сказала она. — Иногда нужно просто выбрать разумный путь.

Она говорила о чужой дочери, но смотрела на меня.

Аделина всегда умела говорить так, чтобы фраза падала сразу в несколько мест.

— Разумный путь не всегда счастливый, — сказала Лидия.

— Счастье переоценивают, — ответила Аделина. — Особенно женщины. Нам часто кажется, что нас должны постоянно слышать, понимать, восхищаться. А семья держится не на этом.

— А на чем? — спросила я.

Она повернула голову.

Медленно.

Я почти пожалела, что открыла рот.

— На умении не разрушать дом из-за настроения.

Гостиная стала чуть тише.

Я могла промолчать. Должна была. Богдан потом сказал бы, что я слишком остро реагирую, что его мать ничего такого не имела в виду, что вечер был важный, а я опять сделала все личным.

— Настроение проходит, — сказала я. — А когда тебя годами не слышат, это уже не настроение.

Аделина посмотрела на меня так, будто я поставила грязную чашку на белую скатерть.

— Виолетта, дорогая, вы сегодня необычно чувствительны.

Дорогая.

Я ненавидела, когда она называла меня дорогой.

Это слово у нее никогда не значило тепло. Только расстояние.

— Наверное, устала, — сказала я.

И снова спасла вечер.

Потому что хорошие жены умеют вовремя отступить.

Гости начали разъезжаться около полуночи. Я стояла в прихожей рядом с Богданом, принимала благодарности, обещала передать рецепт лимонного пирога, улыбалась Роману

Селиванову, который шутиливо сказал, что если Богдан когда-нибудь уволит всю команду, я одна вытяну его переговоры лучше половины офиса.

— Не подавайте ей идеи, — ответил Богдан. — А то она решит, что пора выставлять мне счет.

Все засмеялись.

Я тоже.

Только Серафима, если бы была рядом, не смеялась бы. Она посмотрела бы на меня своим острым взглядом и сказала: «Запомни, где шутят про твой неоплаченный труд. Там обычно прячут правду».

Когда за последними гостями закрылась дверь, дом будто выдохнул.

На столе остались смятые салфетки, пустые бокалы, крошки миндального печенья, недогоревшие свечи. Помощница завтра придет к девяти, но я все равно начала собирать посуду. Не потому что было нужно. Просто руки не знали, как иначе пережить тишину после чужих голосов.

Богдан снял пиджак и бросил его на спинку кресла.

— Оставь. Утром уберут.

— Мне несложно.

— Виолетта.

Я замерла с двумя бокалами в руках.

Вот теперь начнется.

Он стоял у камина, расстегивал часы. Лицо спокойное. Вечер для него прошел удачно, значит, разговор будет не

громким. Громкие разговоры Богдан считал признаком слабости.

— Что это было за выступление за ужином?

— Какое?

— Про память, город, старые стены. Ты прекрасно поняла.

Я поставила бокалы на поднос.

— Меня спросили. Я ответила.

— Тебя спросили не для того, чтобы ты спорила с моей позицией при людях.

— Я не спорила. Я сказала свое мнение.

Он посмотрел на меня с легкой усталостью.

— Вот именно.

Два слова.

И весь смысл нашего брака.

Мое мнение было проблемой не потому, что оно неправильное. А потому, что оно отдельное.

— Прости, — сказала я автоматически.

Богдан устало потер переносицу.

— Не надо извиняться таким тоном.

— Каким?

— Будто я заставляю тебя просить прощения.

Я едва не рассмеялась.

Не потому что было смешно. Потому что иногда абсурд становится настолько точным, что иначе его не выдержать.

— А ты не заставляешь?

Он поднял на меня глаза.

— Сегодня ты весь вечер была странная.

Я посмотрела на него. На мужчину, с которым прожила десять лет. На человека, ради которого когда-то отказалась от стажировки в реставрационном бюро, потому что у него начинался сложный проект и «нам сейчас не до твоих экспериментов». На мужа, который мог заметить слишком яркую помаду, но не замечал, как я замолкаю рядом с ним все чаще.

— Может быть, я просто устала быть удобной.

Фраза вышла тихой.

Я сама не ожидала, что произнесу ее.

Богдан тоже.

Пауза между нами стала плотной.

— Что?

— Ничего.

Я отвернулась к столу, но он уже услышал.

— Нет, повтори.

— Я сказала, что устала.

— Нет. Ты сказала другое.

Я взяла со стола тарелку, хотя она была чистой. Пальцы скользнули по фарфору.

— Богдан, уже поздно.

— Виолетта.

Он подошел ближе.

Я почувствовала запах его одеколona — сухой, древесный, дорогой. Когда-то он оставался на моих волосах после объ-

тий. Теперь этот запах означал только одно: надо собраться.

— Ты считаешь себя удобной? — спросил он.

В его голосе не было вины. Только неприятное удивление.

— Иногда.

— Забавно.

— Что именно?

— Что ты называешь удобством нормальную семейную жизнь.

Я медленно поставила тарелку обратно.

— Нормальную для кого?

Богдан усмехнулся. Коротко, без радости.

— Ты сегодня решила устроить переоценку всего брака?

— Нет.

— Тогда что происходит?

Я хотела сказать: не знаю.

Это был бы безопасный ответ. Женский, мягкий, неопасный. Не знаю, устала, прости, день тяжелый, гости, голова болит. Он бы кивнул, велел лечь спать, а завтра мы снова жили бы как обычно.

Но внутри что-то уже сдвинулось.

Не сломалось.

Именно сдвинулось.

Как тяжелая мебель, которую годами не трогали, а потом вдруг толкнули и увидели на полу светлый прямоугольник нетронутого паркета.

— Я не понимаю, когда ты перестал со мной разговари-

вать, — сказала я.

Богдан нахмурился.

— Мы разговариваем каждый день.

— Нет. Ты даешь мне поручения. Исправляешь. Преду-
преждаешь. Говоришь, что мне надеть, где сесть, о чем не
спорить, какую помаду стереть. Но ты давно не разговарива-
ешь со мной так, будто я есть.

Он молчал.

Слишком долго.

И в этом молчании я вдруг услышала ответ.

Не сегодня.

Давно.

— Тебе нужно отдохнуть, — сказал он наконец.

Я закрыла глаза.

Конечно.

Не поговорить.

Не слышать.

Не спросить: почему ты так чувствуешь?

Просто отдохнуть. Потому что усталая женщина безопас-
нее правой.

— Да, — сказала я. — Наверное.

Он подошел к столу, взял свой телефон, который оставил
возле графина с водой. Экран вспыхнул в его руке.

Я не хотела смотреть.

Честно.

В браке есть странная привычка: иногда ты отворачива-

ешься от правды заранее, будто если не увидишь, она не войдет в дом.

Но телефон был повернут ко мне.

На экране светилось сообщение.

Рената Воронцова.

«Ты уже сказал ей про развод?»

Время под сообщением — 23:48.

Секунда стала длинной.

Очень длинной.

Богдан увидел, куда я смотрю.

Его лицо не побледнело. Не дрогнуло. Он не выронил телефон, не начал лихорадочно объяснять, не сделал ничего из того, что делают люди, застигнутые врасплох.

Он просто погасил экран.

Аккуратно.

Большим пальцем.

И вот это спокойствие ударило сильнее любой паники.

— Виолетта, — сказал он.

Я подняла глаза.

Кажется, в эту секунду дом стал совсем бесшумным. Даже холодильник на кухне перестал гудеть. Даже свечи догорели без треска.

Я ждала, что он скажет: это не то, что ты подумала.

Или: я могу объяснить.

Или хотя бы: прости.

Богдан посмотрел на меня внимательно, почти устало.

— Нам нужно поговорить, — сказал он.

Я стояла в сливовом платье, которое утром показалось мне слишком смелым, с губами, с которых стерла помаду по его просьбе, среди бокалов, чужих тарелок и остывшего ужина, который приготовила для его мира.

И впервые за десять лет не смогла заставить себя спросить тихо.

— О чем?

Потому что уже знала.

ГЛАВА 2. Папка в нижнем ящике

Богдан не сказал это сразу.

Наверное, даже теперь хотел выбрать форму. Правильную интонацию, правильное расстояние между нами, правильное выражение лица. Он всегда умел придавать неприятным вещам приличный вид. Не бросить — завершить. Не предать — признать, что отношения исчерпали себя. Не вычеркнуть жену — дать нам обоим возможность двигаться дальше.

Я стояла в гостиной среди недогоревших свечей и ждала, когда он наконец произнесет слово, которое уже лежало между нами, как нож на белой скатерти.

Развод.

Но Богдан молчал.

Он положил телефон экраном вниз на каминную полку, будто сообщение Ренаты можно было спрятать таким простым движением. Потом прошел к барной тележке, налил себе воды. Не виски. Не коньяк. Воду. Это почему-то показалось мне особенно страшным.

Мужчина, которого застали на чужой переписке, мог бы выпить.

Мужчина, который все давно решил, пил воду.

— Присядь, — сказал он.

Я посмотрела на кресло.

На то самое кресло у камина, где обычно сидела, когда он

возвращался поздно и рассказывал о сделках, людях, цифрах. Я слушала, кивала, задавала вопросы. Иногда он говорил: «Ты все равно не поймешь юридическую часть», и я улыбалась, потому что раньше мне казалось: это не пренебрежение, а усталость.

Сейчас я не села.

— Говори так.

Богдан чуть заметно сжал челюсть.

— Не надо начинать с сопротивления.

Вот оно.

Я еще не сказала почти ничего, а уже сопротивлялась.

— А с чего мне начать?

— С того, что мы оба устали.

— Я устала от ужина. От твоих замечаний. От твоей матери. От того, что ты гасишь экран, когда на нем всплывает имя другой женщины. Но я не знала, что мы уже устали от брака.

Богдан посмотрел на меня холоднее.

— Не упрощай.

— Это ты упростил. До сообщения в телефоне.

Он глубоко вдохнул. Кажется, считал про себя. Раз, два, три. Я знала эту привычку. Так он сдерживался на переговорах, когда собеседник говорил глупость. Раньше я гордилась его выдержкой. Теперь впервые поняла, как страшно жить рядом с человеком, который даже твою боль воспринимает как неудачную реплику на совещании.

— Рената не причина, — сказал он.

Я кивнула.

— Конечно. Причина, видимо, я.

— Я этого не говорил.

— Но скажешь.

— Виолетта.

Он произнес мое имя с предупреждением. Мягким. Почти усталым. Раньше мне хватало этого, чтобы убрать острые края, стать понятнее, удобнее, не мешать.

Я молчала.

Богдан поставил стакан на полку.

— Наш брак давно не работает.

Слово «брак» прозвучало как название старого механизма. Будто мы были не людьми, а устройством, у которого изнашивались детали.

— Давно? — спросила я.

— Достаточно давно.

— А когда ты собирался мне сказать?

Он отвел взгляд к окну. За стеклом темнел сад. В мокрых ветках отражался свет гостиной, и на секунду мне показалось, что дом смотрит на нас снаружи. Тот самый дом, который я выбирала по комнатам, по цвету стен, по утреннему свету в кухне. Дом, где каждая вещь знала мои руки, но по документам почти все принадлежало Богдану.

— Я не хотел говорить в неподходящий момент.

Я улыбнулась.

— А подходящий момент для развода какой? После десерта? До кофе? Между поздравлением партнера и разговором о тендере?

— Ты сейчас пытаешься сделать большее.

— Нет. Я пытаюсь понять, где была моя жизнь, пока ты решал, что она закончилась.

Он помолчал.

— Я хотел подготовиться.

— К чему?

— Ко всему. К разговору. К юридическим вопросам. К разделу. К тому, чтобы не было хаоса.

Хаоса.

Так он называл то, что у других людей зовется чувствами.

Я вдруг отчетливо увидела его кабинет. Нижний ящик стола. Папки, которые он подписывал аккуратно, черной ручкой, с одинаковым нажимом. У Богдана все важное всегда было в папках. Проекты, сметы, договоры, планы. Наверное, теперь и я.

— У тебя уже есть документы? — спросила я.

Он не ответил сразу.

И этого хватило.

Сердце не разбилось. Нет. Оно будто опустилось ниже, стало тяжелее и глуше.

— Есть, — сказал Богдан.

Одно слово.

Без стыда.

Без дрожи.

Просто есть.

— Как давно?

— Виолетта...

— Как давно?

Он посмотрел на меня так, будто я требовала не правду, а лишнюю жестокость.

— Несколько недель.

Несколько недель.

Я подумала о том, как две недели назад гладила ему рубашку перед встречей с инвесторами, потому что он не любил, когда помощница ошибалась со складкой на манжете. Как десять дней назад он попросил меня перенести запись к стоматологу, чтобы принять у нас дома Градовых. Как неделю назад я лежала рядом с ним в темной спальне и слушала, как он дышит, думая, что между нами просто усталость, которую можно пережить.

А у него уже были документы.

— Ты спал рядом со мной и готовил развод?

Богдан закрыл глаза на секунду.

— Не надо так формулировать.

— А как? Помогите мне. У тебя ведь всегда лучше с формулировками.

Он резко посмотрел на меня.

Вот теперь я его задела.

Не сообщением. Не болью. Не тем, что я стояла перед ним

почти без крови в лице.

Иронией.

— Я пытался сделать все цивилизованно, — сказал он.

— За моей спиной.

— Чтобы не травмировать тебя раньше времени.

Я тихо рассмеялась.

Смех вышел чужим.

— Какая забота.

— Ты невыносима, когда говоришь таким тоном.

— Зато удобна, когда молчу.

Он ничего не ответил.

И это было почти признанием.

Я обошла стол, взяла со стула его пиджак и аккуратно повесила на спинку кресла. Движение получилось привычным, домашним, почти нежным. Руки продолжали выполнять роль жены, даже когда внутри эта роль уже треснула.

Богдан проследил за моими пальцами.

— Завтра поговорим спокойно.

— Нет.

— Сейчас не время.

— А когда время? Когда ты отдашь мне папку и покажешь, где поставить подпись?

Его лицо изменилось.

Совсем немного.

Но я снова увидела.

Значит, папка была.

Значит, подпись тоже.

Я отступила на шаг.

— Где она?

— Что?

— Папка.

— Виолетта, не надо.

— Почему? Ты же готовился, чтобы не было хаоса. Так покажи мне мой аккуратно подготовленный конец.

Он подошел ко мне быстро, но не резко. Богдан никогда не хватал, не толкал, не делал того, что потом можно назвать грубостью. Он умел становиться стеной без единого запрещенного движения.

— Ты сейчас не в состоянии это обсуждать.

— В состоянии.

— Нет.

— Потому что я на эмоциях?

— Потому что ты ранена.

Слово было почти правильным.

Почти человеческим.

Только сказал он его так, будто рана была моей личной проблемой, а не следом от его рук.

— Тогда странно, что ты так спокойно держишь нож, — сказала я.

В его глазах мелькнула злость.

— Довольно.

Вот он. Настоящий Богдан под дорогим спокойствием.

Не кричащий, не теряющий лицо. Просто человек, который привык, что последняя точка всегда за ним.

Я вдруг очень устала.

Так, будто весь вечер, весь дом, все десять лет навалились на плечи сразу. Мне захотелось сесть прямо на пол среди бокалов и недогоревших свечей. Стереть остатки макияжа ладонью. Сказать: хорошо, я все подпишу, только не говори больше этим голосом.

Наверное, прежняя я так бы и сделала.

Но на телефоне было имя Ренаты.

И вопрос: «Ты уже сказал ей про развод?»

Ей.

Мне.

Жене, которой собирались сказать о ее жизни в последнюю очередь.

— Я спать не буду, — сказала я. — Так что можешь либо показать мне документы сейчас, либо я найду их сама.

Богдан смотрел на меня несколько секунд.

Потом тихо сказал:

— Не превращай это в унижение.

Я не сразу поняла.

— Для кого?

Он отвел взгляд.

И мне стало ясно.

Для него.

Моя боль могла быть некрасивой. Моя злость — неудоб-

ной. Мои вопросы — лишними. Но унижением это становилось только тогда, когда угрожало его образу человека, который все сделал правильно.

— Спокойной ночи, Богдан.

Я прошла мимо него.

Он не остановил.

В спальне я закрыла дверь, но не повернула замок. Мы никогда не запирались друг от друга. Даже когда стали чужими, дом продолжал делать вид, что мы близки.

Я сняла сливовое платье осторожно, будто оно было не тканью, а свидетельством. Повесила на спинку кресла. В зеркале осталась женщина в белье и с бледным лицом, на котором слишком ярко выделялись глаза.

Без помады.

Без голоса.

Пока без документов.

Я умылась холодной водой. Смывала тон, тушь, вечер, чужие взгляды, слова Аделины, смех за столом. Вода стекала по подбородку на шелковый халат. Я не вытирала ее сразу. Просто смотрела на себя.

— Он готовил развод несколько недель, — сказала я отражению.

Отражение промолчало.

Потом я легла.

Богдан пришел через сорок минут. Я знала, потому что все это время лежала с открытыми глазами и считала звуки

дома. Его шаги в коридоре. Воду в ванной. Дверцу шкафа. Тихий щелчок выключателя.

Он лег на свою сторону кровати.

Между нами было не больше полуметра.

И больше десяти лет.

— Завтра я все объясню, — сказал он в темноту.

Я смотрела в потолок.

— Ты уже объяснил.

— Нет. Ты слышала только часть.

— Самую важную.

Он повернулся ко мне. Я почувствовала это по движению матраса.

— Виолетта, я не хотел, чтобы ты узнала так.

Я закрыла глаза.

Вот и извинение.

Не за то, что сделал.

За то, что я увидела.

— А как ты хотел?

Он молчал.

— За завтраком? В кабинете? В ресторане, где твоя мать объяснила бы мне, как уходить красиво?

— Не трогай маму.

Я открыла глаза.

Даже сейчас.

Даже в нашу первую ночь после слова «развод», которое еще не было произнесено вслух им самим, но уже стояло у

кровати, как третий человек.

Даже сейчас его мать была защищена быстрее, чем я.

— Прости, — сказала я.

И ненавидела себя за это слово сразу, как только оно вышло.

Богдан тихо выдохнул.

— Давай поспим.

Давай.

Как будто сон был решением.

Я лежала рядом с ним и думала о нижнем ящике.

О том, что где-то в этом доме есть папка, в которой я уже стала проблемой с вариантами решения. Возможно, там были суммы. Сроки. Предложения. Формулировки вроде «имущественные разногласия отсутствуют» или «стороны пришли к взаимному согласию».

Взаимному.

Удивительное слово для женщины, которая узнает обо всем случайно с экрана чужого телефона.

Под утро я все-таки уснула.

Сон был коротким и мутным. Мне снилось, что я накрываю бесконечный стол, а гости все приходят и приходят. Я ставлю тарелки, зажигаю свечи, улыбаюсь, а Богдан стоит у двери и говорит каждому входящему:

— Не обращайтесь внимания. Она скоро уйдет.

Проснулась я от запаха кофе.

В комнате было серое утро. Дождь бил в стекло мелко и

настойчиво, будто кто-то снаружи пытался достучаться. Место Богдана на кровати было пустым. Подушка почти не смята. На тумбочке стоял стакан воды, которого вечером не было.

Забота.

Или привычка оставлять после себя порядок.

Я надела халат и спустилась вниз.

Богдан стоял на кухне у окна, уже в рубашке и брюках, с телефоном у уха. Его голос был спокойным, деловым.

— Нет, сегодня не получится. Перенеси на вторник. Да. И скажи Воронцовой, чтобы прислала финальную презентацию до обеда.

Воронцовой.

Имя ударило не так сильно, как ночью. Боль уже успела лечь внутри тяжелым слоем. Не острым, а плотным.

Он обернулся.

— Я перезвоню.

Положил телефон экраном вниз.

Снова.

— Доброе утро, — сказал он.

Я посмотрела на кофемашину, на две чашки, на тарелку с тостами. Утро было почти обычным. Именно это и казалось жестоким. Ничего не изменилось в предметах. Изменилось только то, что я теперь знала: наш дом уже готовился жить без меня.

— Где папка?

Богдан устало посмотрел на меня.

— Я думал, мы договорились поговорить спокойно.

— Мы не договорились. Ты сказал. Я молчала.

Он налил кофе в мою чашку. Без сахара. С каплей молока.

Как я любила.

У него всегда получалось помнить мелочи, если они не требовали признать во мне отдельного человека.

— Сядь, пожалуйста.

— Нет.

— Виолетта.

— Не начинай день с моего имени таким тоном.

Его рука замерла над чашкой.

Я сама удивилась, как ровно это прозвучало.

— Хорошо, — сказал он после паузы. — Я покажу документы. Но не сейчас. Мне нужно уехать на встречу.

Я тихо рассмеялась.

— Конечно.

— Это важная встреча.

— Важнее разговора с женой о разводе?

Он поставил молочник на стол.

— Не ставь вопрос так.

— А как мне его поставить, чтобы тебе было удобно?

— Чтобы было разумно.

Разумно.

Снова.

Я подошла к столу, но кофе не взяла.

— Ты сегодня уедешь, и я останусь здесь одна. В доме, где где-то лежат документы о моем будущем, которые я не видела. Ты правда думаешь, что я просто буду ждать?

Богдан помолчал.

— Я прошу тебя не заходить в мой кабинет.

Вот теперь он ошибся.

До этой секунды у меня оставалась слабая, унижительная надежда: может быть, он сам даст мне папку. Может быть, в этом еще есть хоть какая-то честность. Может быть, он не до конца тот человек, который готовит жене развод в нижнем ящике и требует от нее спокойствия.

Но он сказал: мой кабинет.

Не наш дом.

Не наши документы.

Мой кабинет.

— А я прошу тебя не решать мою жизнь без меня, — сказала я.

Он взял пиджак со спинки стула.

— Мы продолжим вечером.

— Нет.

Богдан остановился.

— Что нет?

— Я не буду ждать вечера.

— Ты не ребенок, Виолетта.

— Именно.

Мы посмотрели друг на друга через кухонный остров.

Между нами стояли чашки, тосты, стеклянная банка с медом, маленькая ваза с белыми цветами, которые я вчера сама поставила, чтобы утром дом не выглядел уставшим.

Дом выглядел прекрасным.

Я — нет.

И впервые меня это почти не волновало.

— У меня нет времени на спор, — сказал Богдан.

— У тебя вообще редко есть время на то, что мне больно.

Он хотел ответить. Я видела, как фраза уже готова. Наверное, что-то про драму, эмоции, сложный период. Но телефон в его руке завибрировал, и Богдан посмотрел на экран.

Рената или нет — я не увидела.

Он убрал телефон в карман.

— Я вернусь к семи.

— Конечно.

Он прошел к выходу.

Уже в прихожей остановился.

— Пожалуйста, не делай ничего, о чем потом пожалеешь.

Я стояла на кухне и смотрела на его спину.

— Забавно, — сказала я.

Он обернулся.

— Что?

— Я хотела сказать тебе то же самое.

Богдан задержал взгляд на моем лице.

Потом ушел.

Дверь закрылась мягко.

Не хлопнула.

В нашем доме даже уход звучал воспитанно.

Я осталась одна.

Первые минуты я ничего не делала. Просто стояла у кухонного острова, слушала, как кофемашина тихо щелкает, остывая. Потом взяла чашку Богдана и вылила его недопитый кофе в раковину. Зачем — не знаю. Маленькое бессмысленное действие. Почти детское. Но мне стало легче.

Потом я поднялась наверх, переделалась в черные брюки и мягкий свитер. Волосы собрала в хвост. Без макияжа лицо выглядело младше и жестче. Я не стала его исправлять.

Кабинет Богдана находился в дальней части первого этажа.

Дверь была закрыта.

Не заперта.

Он никогда не запирает кабинет. Не потому что доверял мне. Потому что считал: мне не придет в голову войти без разрешения.

Я положила ладонь на ручку.

Металл был прохладным.

Смешно, но именно в этот момент я испугалась сильнее, чем ночью. Пока документы были невидимыми, они оставались почти призраком. Их можно было не знать до конца. Можно было надеяться, что Богдан преувеличил, что там черновики, что он еще сомневался.

Если я открою дверь, сомнений не останется.

Я нажала на ручку.

Кабинет встретил меня запахом кожи, бумаги и его одеколону. Здесь все было Богданом: темный стол, идеально ровные стопки документов, кресло с высокой спинкой, архитектурные макеты на полке, черно-белые фотографии городских фасадов. На стене висел первый крупный проект «Орлов Проект» — реконструкция старого доходного дома под элитные апартаменты.

Я помнила тот год.

Мы тогда жили в съемной однокомнатной квартире, ели гречку с курицей три дня подряд, потому что все деньги Богдан вкладывал в бюро. Я работала в маленькой галерее, а вечерами помогала ему готовить презентации. Подбирала референсы, вычитывала тексты, звонила людям, с которыми он не хотел говорить сам. Когда проект выиграл, Богдан поднял меня на руки прямо посреди кухни.

— Мы сделали это, Вита, — сказал он тогда.

Мы.

Потом это слово как-то незаметно исчезло.

Я подошла к столу.

На поверхности лежали только ежедневник, ручка, ноутбук, закрытая папка с текущим проектом и пресс-папье из темного стекла. Все аккуратно. Все на местах.

Нижний ящик был справа.

Я присела перед столом и потянула его на себя.

Ящик выдвинулся бесшумно.

Внутри лежали папки. Серые, черные, темно-синие. На каждой — белая наклейка с подписью. «Садовая». «Градовы». «Селиванов». «Малая Садовая. Реставрация/снос». «Личные».

Личные.

Я взяла эту папку.

Она оказалась тяжелее, чем я ожидала.

Не физически.

Просто рука вдруг перестала быть уверенной.

Я положила папку на стол, открыла.

Первым сверху лежал проект соглашения о расторжении брака.

Черные буквы. Белые поля. Четкие пункты.

Я увидела наши имена рядом и впервые за долгое время они показались мне чужими. Орлов Богдан Сергеевич. Орлова Виолетта Андреевна. Супруги. Стороны. Имущество. Обязательства. Подписи.

Стороны.

Вот кем мы стали.

Я перелистнула страницу.

Дом оставался за Богданом.

Формулировка была аккуратной: с выплатой компенсации. Сумма стояла ниже. Я посмотрела на нее долго. Не потому, что умела сразу оценить справедливость. А потому, что пыталась понять: вот сколько, по мнению Богдана, стоили десять лет моей жизни в этом доме?

Не мало.

Он не был жадным до копейки. Богдан вообще редко выглядел мелочным. Сумма была такой, чтобы со стороны никто не сказал: он выгнал жену ни с чем. Достаточной для приличия. Недостаточной для правды.

Квартира на окраине.

Не та, где мы жили в начале. Другая. Новая, светлая, без истории. «Подходящий вариант для проживания после расторжения брака».

Подходящий.

Как темно-синее платье.

Как бледная помада.

Как молчание при гостях.

Я перелистнула дальше.

Машина оставалась за ним.

Доля в бизнесе не обсуждалась.

Мои личные вещи — за мной.

Я почти рассмеялась.

Как великодушно.

В следующем файле лежала оценка дома. Потом выписки. Потом консультация юриста. Не нашего общего. Его. С пометками на полях. Ровный почерк Богдана: «избежать публичности», «не затягивать», «минимизировать конфликт», «А.О. поговорит с В.»

А.О.

Аделина Орлова.

Значит, его мать уже знала.

Рената знала.

Юрист знал.

Может быть, помощница знала.

Водитель, наверное, догадывался.

Только жена узнала последней.

Я села в кресло Богдана.

Не потому что хотела. Ноги просто перестали держать.

Кресло было удобным, глубоким, дорогим. Из него мир выглядел иначе: стол шире, дверь дальше, окна выше. Наверное, с этого места легко решать, кому сколько хватит.

Я открыла последнюю страницу соглашения.

Там уже стояла его подпись.

Богдан Орлов.

Ровная, уверенная, красивая.

Место для моей подписи было пустым.

Орлова Виолетта Андреевна.

Пустая линия.

Вот куда он оставил мне право выбора.

Я смотрела на нее, пока буквы не начали расплываться.

Потом услышала звук.

Входная дверь.

Ключ в замке.

Я замерла.

Богдан не мог вернуться так быстро. Прошло меньше часа. Может быть, забыл документы. Может быть, телефон.

Может быть, решил, что все-таки не стоит оставлять меня одну рядом с правдой.

Шаги прозвучали в прихожей.

Я не закрыла папку.

Не убрала бумаги.

Не вскочила.

Странно, но страха почти не было. Только холодная ясность.

Дверь кабинета открылась.

Богдан остановился на пороге.

Несколько секунд он смотрел на меня в своем кресле, на открытую папку, на лист с его подписью и пустой строкой для моей.

Потом очень тихо сказал:

— Я просил тебя не заходить сюда.

Я подняла на него глаза.

— А я просила тебя не решать мою жизнь без меня.

Он вошел и закрыл дверь.

Не хлопнул.

В нашем доме даже начало войны звучало воспитанно.

ГЛАВА 3. Ты все равно подпишешь

Богдан стоял у двери так, будто это я была человеком, которого застали на чужом месте.

Не он — с готовыми бумагами, подписью и аккуратными пометками на полях. Не он — с именем Ренаты в телефоне и матерью, заранее вписанной в план моего ухода. Я. В его кресле. В его кабинете. С его папкой на столе.

Видимо, именно это и было преступлением.

Я не закрыла документы.

Богдан заметил. Его взгляд скользнул по листам, задержался на странице с его подписью, потом вернулся ко мне.

— Ты не должна была это видеть так.

Я медленно провела пальцами по краю бумаги.

— А как я должна была это увидеть?

— После разговора.

— Разговора, в котором ты уже все решил?

Он прошел к столу. Не сел. Остался стоять напротив, по другую сторону, словно между нами шли переговоры, а не разваливалась жизнь.

— Я не все решил один.

Я подняла брови.

— Правда?

— Я подготовил вариант.

— Вариант, где дом остается тебе.

— Дом связан с бизнесом.

— Дом связан со мной тоже.

Богдан едва заметно выдохнул.

— Виолетта, не начинай с эмоций.

Я почти улыбнулась.

Даже сейчас.

Даже когда я сидела перед соглашением о разводе, которое он подписал без меня, он все еще пытался объяснить мне, как правильно реагировать.

— Хорошо, — сказала я. — Давай без эмоций. Дом куплен в браке.

Он замолчал.

На секунду в его глазах мелькнуло что-то неприятно живое. Не вина. Скорее досада: я сказала не то, что должна была.

— Юридически вопрос сложнее, — произнес он.

— Конечно. Когда речь о моих правах, все сразу становится сложнее.

— Тебе предложена компенсация.

— Предложена кем?

— Мной.

— То есть человеком, который хочет оставить себе дом.

Богдан поставил ладони на стол. Ровно. Спокойно. На расстоянии от папки, будто боялся прикоснуться к ней при мне.

— Я хочу, чтобы мы не уничтожили друг друга в процессе.

— Нет, Богдан. Ты хочешь, чтобы я не мешала тебе выглядеть порядочным.

Он посмотрел на меня жестко.

— Осторожнее.

Раньше это слово заставило бы меня отступить.

Осторожнее.

Как будто мое право говорить правду было хрупкой вазой в его доме. Как будто я могла случайно разбить не брак, а его терпение.

Я взяла верхний лист соглашения и подняла его.

— Здесь написано, что стороны пришли к взаимному согласию.

— Это стандартная формулировка.

— Стандартная ложь.

— Не драматизируй.

— Я нашла документы в твоём кабинете после сообщения от женщины, которая знала о моем разводе раньше меня. Богдан, мне кажется, для драматизма тут не хватает только музыки.

Он отвернулся к окну.

За стеклом дождь размазывал сад в серые полосы. Мокрые ветви липли к стеклу, и мне вдруг вспомнилось, как я выбирала эти деревья. Богдан хотел строгие туи вдоль дорожки: ровно, дорого, без лишней листвы. Я уговорила его оставить старую сирень у забора и посадить две яблони. Весной они цвели так щедро, что дом на несколько дней переставал ка-

заться холодным.

Интересно, в его оценке имущества яблони тоже шли пунктом.

— Я понимаю, что ты злишься, — сказал Богдан.

— Нет.

Он повернулся.

— Нет?

— Ты не понимаешь. Ты просто знаешь, что по сценарию сейчас нужно сказать эту фразу.

— А ты, видимо, решила говорить только больно.

— Я десять лет говорила удобно. Результат лежит перед тобой.

Богдан провел рукой по подбородку. В этом жесте было больше усталости, чем раздражения. Как будто я была сложной задачей, которую придется решать дольше, чем он рассчитывал.

— Хорошо, — сказал он. — Давай прямо.

— Давай.

Он наконец сел. Не в свое кресло — оно было занято мной. В гостевое, напротив. Этот маленький сдвиг почему-то придал мне сил. Впервые за много лет Богдан оказался на месте человека, пришедшего объясняться.

— Наш брак давно перестал быть браком, — начал он.

Я молчала.

— Мы живем рядом, а не вместе. У нас нет общих целей. Нет близости. Нет легкости.

Легкости.

Вот это слово. Видимо, Рената была легкой. Она не знала, какие счета приходили в первый год бюро. Не помнила, как Богдан сидел ночью на полу кухни с ноутбуком на коленях и говорил, что ничего не выйдет. Не видела, как он кричал в пустой квартире после первого проигранного тендера, а потом спал два часа, положив голову мне на колени.

Легко быть легкой, когда приходишь к мужчине после того, как другая женщина выдержала его тяжесть.

— Ты молчишь, — сказал он.

— Я слушаю.

— Тогда ты должна понимать. Мы оба изменились.

— Ты изменился. Я подстраивалась.

— Это твой выбор.

Фраза была тихой.

И отвратительно удобной.

Я почувствовала, как внутри поднимается что-то горячее. Не слезы. Слезы были ночью. Сейчас приходила злость, чистая и почти трезвая.

— Мой выбор? — переспросила я.

— Я не заставлял тебя оставлять работу в галерее.

Я рассмеялась.

На этот раз громче.

Богдан поморщился.

— Ты правда хочешь пойти туда?

— Да, — сказала я. — Хочу.

Он откинулся на спинку кресла.

— Хорошо. Ты сама решила уйти. Я помню этот разговор.

— Я тоже.

И я действительно помнила.

Маленькая кухня в нашей первой квартире. На столе — коробки с образцами плитки, распечатки, чашки с остывшим чаем. Богдан тогда только получил шанс на большой проект. У него не было команды, не было помощника, не было денег на нормального координатора. А у меня была работа в галерее. Небольшая, не слишком денежная, но моя.

— Всего на пару месяцев, Вита, — сказал он тогда. — Пока я встану на ноги. Ты же понимаешь, это наш шанс.

Наш.

Я поняла.

Потом эти пару месяцев стали годом. Год — привычкой. Привычка — ролью.

— Ты сказал, что это наш шанс, — произнесла я.

— Так и было.

— Нет. Это был твой шанс. А я стала бесплатной частью твоей команды, твоего дома, твоей репутации. Просто без должности и зарплаты.

— Не унижай то, что между нами было.

— Это ты унизил. Когда оценил все это компенсацией.

Он сжал губы.

— Сумма достойная.

— Для кого?

— Для женщины, которая сможет начать заново без финансовой паники.

Я посмотрела на него внимательно.

— Как щедро. Ты оставляешь мне возможность не умереть от страха и называешь это достоинством.

— Ты передергиваешь.

— А ты торгуешься с женщиной, которая десять лет называла тебя домом.

Пауза стала тяжелее.

Богдан отвел глаза первым.

Маленькая победа. Ненужная, горькая, но моя.

— Рената здесь ни при чем, — повторил он.

Я закрыла папку.

Медленно.

— Не надо говорить ее имя так, будто оно случайно оказалось между нами.

— Это не то, что ты думаешь.

Вот и она. Фраза, которую я ждала ночью. Опоздала на несколько часов и все равно прозвучала жалко.

— А что я думаю?

— Что я ухожу к ней.

— А ты не уходишь?

Он молчал.

Ответ был в тишине.

— Богдан.

— Я не собираюсь обсуждать Ренату в таком тоне.

— В каком тоне обсуждают женщину, которая спрашивает женатого мужчину, сказал ли он жене про развод?

Он поднялся.

— Достаточно.

Я тоже встала.

Кресло мягко отъехало назад.

— Нет. Недостаточно. Ты слишком долго решал, что для меня достаточно. Денег достаточно. Правды достаточно. Объяснений достаточно. Уважения достаточно. Я хочу сама решить, сколько мне достаточно.

Он посмотрел на меня так, будто я говорила на незнакомом языке.

Может быть, так и было.

Я впервые говорила не на его.

— Рената появилась, когда между нами уже ничего не осталось, — сказал он.

Я почти кивнула.

— Удобно.

— Это правда.

— Твоя правда.

— А у тебя какая? Что я чудовище?

— Нет.

Он явно не ожидал.

Я обошла стол и встала у окна. Сад за стеклом был мокрый и темный. Сирень у забора еще не цвела, только набирала почки. Я вдруг подумала, что к моменту, когда она рас-

пустится, я, возможно, уже не буду здесь жить.

Боль пришла внезапно.

Не от Богдана.

От дома.

От того, как много во мне было вложено в стены, которые теперь назывались его имуществом.

— Ты не чудовище, — сказала я. — Было бы легче, если бы был. Тогда можно было бы ненавидеть тебя просто. Без памяти. Без хорошего. Без всего, что мы правда когда-то строили вместе.

Богдан стоял молча.

Я услышала, как он вдохнул.

— Вита...

Старое имя.

Он не называл меня так давно.

В груди дернулось что-то болезненное, почти предательское. Тело помнило раньше разума. Помнило кухню, дождь, его руки на моей талии, голос: «Мы сделали это». Помнило первые годы, когда его усталость еще не была оружием, а моя забота еще не была обязанностью.

Я резко обернулась.

— Не надо.

— Что?

— Не называй меня так сейчас.

Его лицо дрогнуло.

Наконец-то.

— Я не хотел сделать тебе больно.

— Хотел.

— Нет.

— Хотел, Богдан. Просто ты хотел сделать это аккуратно.

Чтобы не испачкаться.

Он шагнул ко мне.

— Ты думаешь, мне легко?

Я посмотрела на него.

Вот оно. Наконец-то.

Ему тоже было трудно. И теперь, по законам нашего брака, я должна была заметить его трудность, смягчиться, пожалеть, перестать быть слишком острой. Я должна была вспомнить, что Богдану тяжело говорить о чувствах. Что он не умеет просить прощения. Что у него сложный период. Что Рената, документы, подпись — это, конечно, больно, но он ведь тоже человек.

Я устала спасать его от последствий его же поступков.

— Нет, — сказала я. — Я думаю, тебе неудобно.

Он остановился.

— Это жестоко.

— Правда часто кажется жестокой тому, кто привык говорить ее последним.

Мы смотрели друг на друга.

В кабинете было так тихо, что я слышала, как где-то в стене шелкнула труба отопления. Дом продолжал жить. Теплый, дорогой, красивый. Дом, который я больше не чувство-

вала безопасным.

Богдан первым опустил взгляд на папку.

— Я предлагаю цивилизованный вариант.

— Для тебя.

— Для нас обоих.

— Ты даже слово «нас» используешь тогда, когда хочешь забрать больше.

Его терпение тонко треснуло.

— Что ты хочешь?

Вопрос прозвучал резче, чем все предыдущие.

Я не ответила сразу.

Странно, но я правда не знала. Еще вчера мне казалось, что я хочу, чтобы все стало как раньше. Чтобы Богдан посмотрел на меня не оценивающе, а тепло. Чтобы взял за руку. Чтобы сказал: я устал, прости, давай попробуем. Чтобы сообщение Ренаты оказалось ошибкой, шуткой, чем угодно, только не правдой.

Теперь я смотрела на его подпись внизу листа и понимала: «как раньше» больше не существует.

Даже если он передумает, я уже знаю, что могла быть подготовлена к удалению.

Как старый файл.

Как неактуальная версия проекта.

— Я хочу время, — сказала я.

— Сколько?

— Столько, сколько мне понадобится.

— Это не ответ.

— Привыкай.

Он прищурился.

— Не играй со мной.

— Я не играю. Я только сейчас поняла правила.

— Какие правила?

Я взяла соглашение и постучала пальцем по пустой строке.

— Ты решаешь. Я подписываю. Ты объясняешь. Я понимаю. Ты уходишь. Я ухожу красиво. Все благодарят нас за взрослость и деликатность. Правильно?

— Ты утрируешь.

— Нет. Я читаю.

Он подошел к столу и резко закрыл папку ладонью.

— Ты все равно подпишешь.

Фраза прозвучала не громко.

Но в ней было столько прежнего Богдана, что у меня внутри вдруг стало очень спокойно.

Вот он.

Не муж, который запутался.

Не мужчина, который мучительно ищет выход.

Не человек, которому тоже больно.

А Богдан Орлов, привыкший, что мир рано или поздно соглашается с его планом.

Я посмотрела на его руку поверх папки.

— Нет.

Он замер.

— Что нет?

— Я не подпишу.

— Сегодня ты не в состоянии принимать решения.

— Зато ты, видимо, был в состоянии принимать их за меня несколько недель.

— Виолетта, будь разумной.

— Нет.

Это короткое слово оказалось странно вкусным.

Не красивым. Не гордым. Просто моим.

Богдан убрал руку с папки.

— Ты хочешь войны?

— Я хочу юриста.

Он посмотрел на меня так, будто я ударила его.

— Кого?

— Юриста.

— Зачем?

Я почти не поверила, что он спросил.

— Чтобы кто-то объяснил мне мои права до того, как ты объяснишь мне мои обязанности.

Его лицо стало закрытым.

— Ты понимаешь, что это изменит тон разговора?

— Он уже изменился, когда я нашла свою жизнь в твоём нижнем ящике.

Богдан медленно кивнул.

— Хорошо. Если тебе нужен юрист, найди юриста. Толь-

ко потом не говори, что я не пытался сохранить уважение между нами.

— Уважение нельзя сохранить в одиночку. Особенно если второй человек узнал о нем последним.

Он взял папку.

Я положила ладонь сверху.

Мы оба замерли.

Пальцы почти соприкоснулись, но не коснулись. Между ними была синяя картонная обложка. Смешно. Десять лет вместе, и теперь нас разделяла папка.

— Оставь, — сказала я.

— Это мои документы.

— Это мой развод.

Его взгляд стал темным.

— Ты не вынесешь этого процесса, если начнешь упрямиться.

Вот тут я впервые почувствовала не боль.

Презрение.

Не к нему даже.

К той части себя, которая когда-то поверила, что этот тон — забота.

— Возможно, — сказала я. — Но я точно не вынесу еще одного дня, где ты решаешь, что я выдержу.

Он медленно отпустил папку.

Маленький жест.

Но в нем было больше ярости, чем если бы он ударил ку-

лаком по столу.

— Ты пожалеешь.

Я подняла папку и прижала ее к себе.

Так же, как в прологе, которого тогда еще не было в моей жизни. Только теперь это была не папка с завершенным разводом. Это была папка с началом войны за себя.

— Может быть, — сказала я. — Но это будет мое сожаление. Не твое решение.

Богдан долго смотрел на меня.

Потом достал телефон.

— Я отменю встречу.

— Не нужно.

— Нам надо закончить разговор.

— Мы закончили.

— Нет.

Я обошла стол, направилась к двери.

Он быстро сказал:

— Куда ты?

Я остановилась.

Вчера ночью этот вопрос прозвучал бы как контроль. Сегодня — как первая трещина в его уверенности.

— К Серафиме.

— С папкой?

— С папкой.

— Это семейные документы.

Я обернулась.

— Именно. Поэтому я наконец их увидела.

Он пошел за мной до прихожей. Я чувствовала его за спиной, пока надевала пальто, искала ключи, брала сумку. Руки больше не дрожали. Или дрожали, но я не обращала внимания.

— Виолетта, — сказал он уже у двери.

Я повернулась.

— Что?

Несколько секунд он молчал. И впервые за это утро я увидела не злость. Не раздражение. Не расчет.

Растерянность.

Очень маленькую. Почти незаметную. Но настоящую.

Он не ожидал, что я уйду с папкой.

Не ожидал, что скажу «нет».

Не ожидал, что хорошая жена умеет закрывать за собой дверь.

— Не делай нас врагами, — сказал он.

Я посмотрела на мужчину, которого любила десять лет. На его красивое лицо, дорогую рубашку, сдержанный страх под слоем контроля. И мне стало больно так сильно, что на секунду захотелось все вернуть обратно: папку в ящик, сообщение в темноту, платье в шкаф, себя — в прежнее молчание.

Но прежнего молчания больше не было.

— Это не я начала, Богдан.

Я вышла.

Дождь хлестнул по лицу сразу, как только я оказалась на крыльце. Холодный, мелкий, злой. Волосы прилипли к вискам, папка под пальто уперлась краем в ребра. Я спустилась по ступеням и только у ворот поняла, что не вызвала такси.

Телефон был в сумке.

Пальцы наконец задрожали.

Я открыла чат с Серафимой.

«Ты дома?»

Ответ пришел через несколько секунд:

«Для тебя — всегда. Что случилось?»

Я посмотрела на закрытую дверь дома.

В окне кабинета стоял Богдан.

Он смотрел на меня через стекло.

Впервые не как на жену, которая вернется, когда остынет.

Как на женщину, которая может не вернуться прежней.

Я набрала:

«Он подготовил развод. Я нашла документы».

Серафима не стала писать длинно.

Только одно:

«Езжай ко мне. И ничего не подписывай».

Я прижала телефон к груди, рядом с папкой.

И впервые за это утро поверила не Богдану.

Не его спокойствию.

Не его словам о разумности.

А короткой фразе женщины, которая была на моей стороне.

Ничего не подписывай.

ГЛАВА 4. Женщина без дома

Такси приехало через семь минут.

Семь минут — странное время. Слишком короткое, чтобы успеть понять, что делать дальше. Слишком длинное, чтобы не развалиться прямо у ворот собственного дома с папкой под пальто и дождем на лице.

Я стояла под голыми ветками сирени, которую когда-то отстояла перед Богданом, и смотрела на окна. Дом был красивым даже в дождь. Особенно в дождь. Свет изнутри ложился на мокрый камень мягкими прямоугольниками, на стеклах дрожали отражения сада, в кухне наверняка еще стояли две чашки — моя нетронутая, его недопитая. Все выглядело так, будто я просто вышла на минуту.

Но я уже не знала, имею ли право вернуться.

В этом было самое страшное.

Не в разводе. Не в Ренате. Не даже в подписи Богдана под соглашением, где моя жизнь была разложена по пунктам.

Страшнее всего оказалось выйти за ворота и вдруг понять: если не домой, то куда?

У меня была подруга. Сестра. Деньги на карте. Телефон в руке. Пальто, сумка, документы. Я не была женщиной без всего.

Но внутри стояла такая пустота, будто Богдан одним словом вынул из меня адрес.

Машина остановилась у обочины. Водитель, молодой парень с темной щетиной и усталым лицом, опустил стекло.

— Виолетта?

Я кивнула.

Голос не вышел.

Он вышел из машины и открыл заднюю дверь. Обычная вежливость. Простое движение чужого человека. Но я вдруг чуть не заплакала, потому что дверь открыли без приказа, без оценки, без фразы «ну что ты стоишь». Просто открыли.

— Спасибо, — сказала я.

Села на заднее сиденье, прижала папку к животу и назвала адрес Серафимы.

Водитель включил поворотник. Машина мягко тронулась.

Я не оглянулась сразу. Держалась несколько секунд, будто от этого зависело достоинство. Потом все равно повернула голову.

Богдан стоял у окна кабинета.

Он не вышел.

Не побежал за мной. Не позвонил. Не написал. Просто смотрел через стекло, и я почти физически чувствовала его злость. Не громкую. Богдан не был человеком громких чувств. Его злость всегда становилась порядком: звонок юристу, сухое сообщение, закрытая дверь, отмененная карта, разговор с матерью.

Я отвернулась первой.

Машина выехала на улицу.

Двор, ворота, мокрая сирень, свет в окне — все осталось позади так быстро, что я не успела попрощаться даже мысленно.

Телефон завибрировал почти сразу.

Богдан.

Я смотрела на его имя, пока звонок не оборвался.

Потом пришло сообщение:

«Вернись. Мы не закончили разговор».

Я прочитала его три раза.

Вернись.

Не «где ты?». Не «ты в порядке?». Не «прости». Даже не «давай поговорим».

Вернись.

Как будто я была вещью, которую вынесли из дома без разрешения.

Я не ответила.

Через минуту пришло второе:

«Не втягивай Серафиму. Это наше личное».

Я почти усмехнулась.

Наше личное.

Личное, о котором знали Рената, Аделина, юрист и, вероятно, половина его тихого делового окружения. Личное становилось личным только тогда, когда я пыталась позвать кого-то на свою сторону.

Я выключила звук.

Водитель встретился со мной взглядом в зеркале и тут же

отвел глаза. Хороший мальчик. Понял, что плакать в машине иногда нужно без свидетелей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.